

© Осколков П.В.¹, © Тэвдой-Бурмули А.И.²

Существует ли популизм? Переосмысляя «политологическую моду»

Аннотация. Статья посвящена анализу современного осмысления концепта популизма. Анализируя распространенные в академической среде подходы к интерпретации данного понятия, авторы констатируют кризисный характер нынешней фазы исследований, поскольку уже исчерпаны все возможности для уточнения базовых функциональных и дискурсивных признаков популизма, а также для обнаружения этих признаков в иных, формально далеких от популизма идейно-политических феноменах. Наиболее распространенные вызовы, с которыми сталкиваются современные политологи, обращающиеся к популистской проблематике, – это «концептная натяжка» и «концептное сжатие», т.е. либо чрезмерно широкая, либо чрезмерно узкая трактовка базового понятия. Пытаясь преодолеть эти проблемы, исследователи прибегают, как правило, к альтернативной концептуализации, которая, в свою очередь, имеет собственные значимые недостатки. Авторы исходят из того, что изучение популизма вошло в так называемую «первую ревизионистскую фазу», которую неизбежно проходят все ключевые подходы и

¹ **Осколков Петр Викторович** – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел исследований европейской интеграции, Институт Европы РАН; elsztejn@yahoo.com

² **Тэвдой-Бурмули Александр Изяславович** – кандидат политических наук, доцент Кафедры интеграционных процессов, МГИМО МИД России; tevday@gmail.com

проблемы социальных наук. Для сохранения эвристической ценности популистского концепта авторы исходят из нескольких базовых императивов. В частности, предлагается изучать не только сам популизм, но и способы его фреймирования в научном метадискурсе, а также количественно определить дискурсивные маркеры популизма, уходя от их абсолютизации в сторону большей релятивности и, следовательно, операционализации. Последнее позволило бы расширить возможности применения концепта популизма в конкретно-эмпирических исследованиях. Также в контексте преодоления кризиса авторы считают возможным перенастроить аналитический фокус с исследований субстантивного контента популизма на проблематику его использования в качестве инструментального маркера. Подобная инструментализация сделала бы его пригодным как для анализа национальных партийных ландшафтов, так и для более комплексных междисциплинарных исследований современной социально-политической динамики.

Ключевые слова: популизм, методологический кризис, ревизионистская фаза, идеология, политический дискурс, партийная система, партии мейнстрима.

Введение

Кас Мюдде (Cas Mudde), один из наиболее авторитетных исследователей политического популизма, в 2023 г. в шутку предложил в своем аккаунте в сети Twitter (запрещен в РФ) «отклонять любую рукопись, в которой утверждается, что для популизма не существует определения или что относительно такого определения отсутствует консенсус»¹. Связано это ироничное предложение не столько с тем, что понятие «популизм» можно и нужно определять (любое центральное понятие исследования, как известно, требует четкой изначальной концептуализации), и даже не с тем, что именно определение Мюдде стало наиболее распространенным в академическом мире. Приведем его здесь: «идеология, которая рассматривает общество однозначно разделенным на две гомогенные и антагонистические группы, истинный народ против коррумпированной элиты, и которая утверждает, что политика должна быть выражением народной общей воли, *volonté générale*»

¹ Архив автора. – 2023.

[Mudde, 2004, p. 543]. Речь, прежде всего, о том, что рассуждения о «неопределимости» популизма стали общим местом посвященных ему академических работ, граничащим с банальностью.

Тем не менее такую репутацию популизм заработал не на пустом месте. Впервые термин был употреблен в политическом контексте на английском языке в 1891–1892 гг. применительно к «Народной партии США» [Houwen, 2013, p. 39] – аграрному политическому движению. Первая заметная попытка предложить академическое определение данного феномена произошла почти 90 лет спустя, когда в мае 1968 г. в Лондонской школе экономики и политических наук была организована конференция под многообещающим названием «Определить популизм» (англ. «To Define Populism») [Populism..., 1969]. Тем не менее, рискуя навлечь на себя гнев К. Мюдде, мы все-таки вынуждены констатировать, что за все прошедшее время консенсус относительно дефиниций так и не возник. Связано это, в первую очередь, с тем, что популизм относится к так называемым «сущностно оспариваемым концептам» [Gallicie, 1956] – таким, которым просто в силу их природы невозможно дать определение, устраивающее всех. Если нельзя однозначно определить «счастье» или «любовь», то нельзя определить и «популизм». В терминах Э. Лакло, популизм строится вокруг «пустого означающего» (англ. empty signifier), которым является понятие «народ» (лат. populus) [Laclau, 2005, p. 99]: каждый политик, говорящий о «народе», вкладывает в это слово разное содержание, и «народ» определяется исключительно контекстом высказывания.

Сомнения относительно правомерности выделения популизма как специфического партийного феномена усиливаются по мере того, как популистский дискурс, а равно и присущие популизму электоральные стратегии перенимаются мейнстримными политическими силами – что формально должно противоречить и такому ключевому маркеру популизма, как антиэлитизм и, казалось бы, основным принципам поведения мейнстримных партий. Стоит, пожалуй, обрисовать главные черты этого тренда. В первую очередь, мейнстримные политические силы в своем дискурсе во все большей степени отходят от ориентации на свой базовый электорат, детерминированный классической современной повесткой.

В литературе эта тенденция получила свое осмысление в рамках концепта «всеохватных» (*англ.* catch-all) партий [Katz, Mair, 2009 ; Kirchheimer, 1966]. В целях привлечения электората всеохватные партии играют на дискурсивных полях оппонирующих им партий, пытаясь по максимуму расширить круг своих избирателей посредством использования значимых для вновь привлекаемых групп лозунгов, т.е. используют классическую популистскую тактику эклектических программ, предназначенных не для четкой маркировки партийной идентичности, а для быстрой аккумуляции разнородного электората [Bayerlein, 2021 ; Meguid, 2005 ; Schwörer, 2021].

Оформившись в последней четверти XX в., на длинной дистанции этот тренд привел к существенной деидеологизации мейнстримных политических сил и к «картелизации» избирательного процесса – т.е. к превращению последнего в глазах избирателей в прагматичный договорной раздел властных полномочий. Именно это стало одним из факторов недовольства так называемым «дефицитом демократии» и увязанного с этим роста популистских антиэлитистских настроений в странах евроатлантического ареала. Иначе говоря, парадоксальным образом использование популистской тактики мейнстримными партиями приводит к росту антимейнстримного популизма.

Существенно более важно, что, кроме тактических схем, мейнстримные партии заимствуют у популистов их базовые идеологии. Так, все чаще встречается в программах мейнстримных сил, в первую очередь левых, такой важный дифференцирующий признак популизма, как антиэлитизм. Строго говоря, он был изначально присущ левому дискурсу в силу его эгалитаристского характера, однако со временем – и в процессе проникновения левых сил в истеблишмент – левый антиэлитистский пафос предсказуемо слабел. Правый же фланг мейнстримных сил до последнего времени по понятным причинам в принципе чуждался антиэлитистской повестки. Реинкарнация антиэлитизма у левых и появление этого дискурсивного элемента у мейнстримных правых закономерно увязаны, с одной стороны, с расширением популистского сегмента национальных партийных ландшафтов и, соответствен-

но, ужесточением конкуренции за популистски настроенного избирателя [Meijers, 2017], с другой – с развитием интеграционного процесса, выходом его в видимую избирателям и одновременно более экспансивную фазу (например, в области перераспределения полномочий между Брюсселем и государствами – членами ЕС).

Презентация наднациональной европейской бюрократии как нового образа «антинародной элиты», посягающей на социальные завоевания или национальный суверенитет, в равной степени возможна и для левого, и для правого истеблишмента [Schwörer, 2021, p. 65–72]. Это позволяет усматривать в дискурсе современных мейнстримных сил такой важный маркер популизма, как холизм, предполагающий представление о народе как гомогенном объекте, монолитность которого нарушается только враждебным *Другим*. Категория «народ» осмысливается левыми и правыми по-разному (вспомним тезис Э. Лакло), однако и те, и другие претендуют, – и всегда претендовали, – на монопольную репрезентацию его интересов.

Наконец, многие исследователи (см., напр.: [Cammaerts, 2018 ; Abou-Chadi, Krause, 2020 ; Van Spanje, 2010]) указывают также на инфильтрацию в мейнстримный политический дискурс даже такого детерминирующего признака право-ориентированного популизма, как национализм [Осколков, Тэвдой-Бурмули, 2018].

Таким образом, можно констатировать, что для современного политического процесса характерно всё возрастающее сближение собственно популистского типа партийных проектов с партийными типажам, изначально с популизмом никак не связанными. И это позволяет поставить ряд существенных вопросов, касающихся как сути переживаемой современным постмодерным обществом политической трансформации, так и концепта популизма как аналитической категории. Представляется, что популизм встроен в структуру современной политики настолько прочно, что превращается в своего рода фон, общий знаменатель значительной части современных партийных проектов. Это снижает изначально заложенный в парадигме популизма аналитический потенциал и делает необходимым ее пересмотр. С одной стороны, ряд дискурсивных признаков популизма, по сложившейся

традиции понимаемых как характерные и дифференцирующие, – например, антиэлитизм или холизм, – а также такой формальный признак, как эклектичность программы, вынуждают трактовать популизм чересчур расширительно. С другой стороны, редукция признаков популизма до формулы «национализм / эксклюзивность» обесмысливает бытование отдельного концепта популизма как характеристики партии, поскольку указанное поле успешно покрывается концептом идентитаристского партийного проекта.

Несмотря на указанные сложности, с которыми сталкиваются исследователи популизма (а, возможно, именно в силу таковых), академический мир (и примкнувший к нему мир политической публицистики) в первые десятилетия XXI в. переживает «популистский хайп» [De Cleen, Glynos, Mondon, 2018, p. 657]. По словам того же К. Мюдде, «крайне правому популизму посвящено больше академических работ, чем всем другим родам партий, вместе взятым» [Mudde, 2016, p. 2]. В настоящей статье мы хотели бы, во-первых, выделить основные проблемы, с которыми сталкиваются политологи, исследующие популизм, и которые отнюдь не сводятся к поиску формального определения; во-вторых, суммировать и критически оценить некоторые решения указанных проблем, предлагаемые в академической литературе последних лет; и, в-третьих, предложить читателям наше собственное видение тех императивов, которым «популистоведы» могли бы руководствоваться в своих исследованиях.

Основные подходы

Помимо процитированного выше определения, ставшего наиболее популярным, можно также выделить определенные черты, являющиеся «минимально необходимыми» для классификации конкретного актора как популистского, относительно которых согласны почти все исследователи: это «манихейский» моральный дискурс применительно к политическому процессу [Hawkins, Rovira Kaltwasser, 2017], антиэлитизм и антиплюрализм (разнообразие не нужно, не весь *populus* – настоящий; «лишь часть народа – действительно народ») [Müller, 2016]. Но как только мы выходим за пределы этой небольшой «зоны комфорта», начина-

ются сложности. К примеру, У. Альтерматт считает популизм «формой политики» [Altermatt, 1996], Н. Урбинати – формой «искажения демократии» [Urbinati, 2019], Я.-В. Мюллер утверждает, что это просто «определенное моралистическое воображение политики» [Müller, 2016], Р. Дженсен сводит популизм к «набору политических действий» [Jansen, 2011, p. 82].

Дабы структурировать все это цветущее многообразие, необходимо выделить несколько относительно широких кластеров – подходов. Самая известная из подобных попыток была предпринята Н. Гидроном и Б. Бониковски [Gidron, Bonikowski, 2013], однако известность не означает универсальности, тем более, что за прошедшее десятилетие появилось множество новых исследований и исследователей, достойных внимания. Попробуем перечислить здесь основные подходы к исследованию популизма, сложившиеся в академическом сообществе.

– *Идеационный* подход рассматривает популизм как «тонкоцентрированную» (англ. thin-centered) идеологию со всеми характеристиками, присущими «большим» политическим идеологиям, но не имеющую собственного «идеологического ядра». Такая «неполноценная» идеология становится «хрустальной туфелькой», которую «большие» идеологии (либерализм, социализм, консерватизм и т.д.) могут «снимать» и «надевать» [Simeoni, 2014, p. 101]. Среди наиболее известных авторов, исходящих из такого понимания популизма, – К. Мюдде [Mudde, 2004], Б. Стенли [Stanley, 2008], М. Роудейн [Rooduijn, 2014].

– Приверженцы *дискурсивного* подхода подчеркивают, что популизм прежде всего представляет собой определенную форму общественно-политического дискурса. Такой «язык, погруженный в жизнь» [Арутюнова, 1990] предопределяет и институциональные воплощения популистских акторов, и их идеологическую базу. Наиболее известные представители – Э. Лакло [Laclau, 2005] и К. Хокинс [Hawkins, 2009].

– *Мобилизационный / стратегический* подход лучше всего вписывается в рамки определения, которое дал популизму К. Вейланд: «Политическая стратегия, путем которой персоналистский лидер стремится достичь исполнительной власти либо осуществлять ее,

основанная на прямой, неопосредованной и неинституционализированной поддержке большого количества преимущественно неорганизованных сторонников» [Weyland, 2001, p. 14]. Соответствующие авторы, – к примеру, П. Таггарт [Taggart, 2018], Т. Паувелс [Pauwels, 2011], Т. Паппас [Pappas, 2019], К. Вейланд [Weyland, 2001], – действительно видят в популизме прежде всего определенную политическую стратегию, набор политических действий [Jansen, 2011], позволяющих мобилизовать электорат. В таком подходе, однако, заложен изначальный ограничитель, сводящий популизм к предвыборной активности.

– *Реляционный / социокультурный / перформативный* подход исходит из характера популистских «призывов», их общего стиля и обусловленности социокультурным наследием соответствующего общества. По словам П. Остиги, популизм представляет собой «образ бытия и действия в политике, воплощающий культурно “народное” и “местное” в дискурсе и практике» [Ostiguy, 2020, p. 29]. Представителем этого направления также является один из ведущих исследователей популизма Б. Моффитт [Moffitt, 2020].

По сути, разница между перечисленными подходами не столь велика и в основном сводится к тому, какой из аспектов, присутствующий в популистском феномене, авторы считают самым важным, определяющим характеристики всех остальных аспектов. Поэтому мы также можем условно выделить «*интегративный*» подход, объединяющий основные черты всех вышеуказанных. Действительно, если несколько отстраниться от баталий по поводу академической оптики, становится очевидным, что в популизме присутствуют элементы и идеологии, и дискурса, и мобилизационной стратегии, и социокультурного перформатива. Такого подхода придерживаются те исследователи, которые не ставят своей целью предложить то или иное «новаторское» понимание популизма, а концентрируются на его эмпирических проявлениях.

Наконец, как реакция на нынешнее стремительное распространение «популистской» терминологии и логически вытекающую из него «универсализацию» популизма как удобного ярлыка, возникает подход, который мы можем условно назвать «*негативистским*». Именно благодаря ему у данной статьи появилось столь

провокативное название. Приверженцы этого подхода (пока еще слабо консолидированного и неосознаваемого) считают, что популизм как явление в принципе слабо поддается определению и вряд ли заслуживает внимания как аналитическая категория. Более того, такие авторы рассматривают популизм не просто как ненужный термин, но как потенциально вредный, сбивающий исследовательский фокус с действительно существующих и в гораздо большей степени нуждающихся в анализе категорий, таких как национализм и нативизм. Такой подход свойствен, прежде всего, греческой школе популистских исследований, испытавшей значительное влияние лакановского психоанализа, и очевиден в работах, к примеру, Я. Ставракакиса, Й. Кацамбекиса и др. [Extreme..., 2017 ; Katsambekis, 2022].

Проблемы и рекомендации

На основе анализа корпуса исследовательской литературы, посвященной «метанаучной» дискуссии о применимости концепта популизма (в отличие от работ, для которых теории популизма являются инструментом для анализа эмпирики), мы выделили несколько наиболее значимых проблем, стоящих перед исследователями-политологами.

Прежде всего, вновь рискуя войти в противоречие с К. Мюдде, отметим сложность определения ключевого концепта. Эта общая проблема распадается на несколько более частных. Во-первых, исследователи часто сталкиваются с так называемой «концептной натяжкой» [Sartori, 1970], которую в нашем случае можно назвать проблемой чрезмерной инклюзивности (*англ.* over-inclusiveness); и в паре с ней неизбежно идет так называемое «концептное сжатие». Действительно, очень сложно (практически невозможно) дать такое определение, которое не исключало бы что-нибудь «нужное» и не включало бы что-нибудь «ненужное» (речь как о характеристиках, так и о конкретных эмпирических единицах анализа). Сложно не согласиться с тем, что, из какого бы подхода мы ни исходили при определении популизма, он «охватывает больше политических и социальных феноменов, чем один термин может обычно вместить» [Tarau, 2012, p. 131]. Попытки преодо-

леть эту всеохватность путем поиска «минимального определения» (*англ.* *minimal definition*) и «наименьшего общего знаменателя» [Rooduijn, 2014] неизбежно упрощают понимание популизма. Пример подобного определения – знаменитый «демократический или либерализм» Т. Паппаса [Pappas, 2019, p. 33]. Решение проблемы становится ее частью, поскольку ведет к неизбежной (и зачастую ложной) редукции. Во-вторых, популизм, особенно правый, в публичном дискурсе зачастую неправомерно отождествляется с национализмом / нативизмом [Rydgren, 2017] либо используется как ярлык, универсальный концепт; таким образом, он превращается в «пустой знак», удобный для конструирования бинарных типологий, упрощающих процесс познания [Фишман, 2021].

Упомянув правый популизм, нельзя не указать и на другую важную проблему, с которой сталкиваются политологи, – сложность типологизации. Действительно, невозможно изучать широкий объект в его неделимой цельности, необходимо типологизировать и группировать эмпирические единицы исследования по тем или иным кластерам. В случае популизма кластеры формируются в основном в соответствии с «классическим» идеологическим спектром, подразумевающим существование «правого» и «левого» лагерей [Priester, 2011]. Однако популизм (неважно, понимаем ли мы его как стратегию, дискурс или перформатив) очень адаптивен, ибо основная его цель – это максимизация поддержки (на выборах или «в целом» в политической системе). Для достижения этой цели идеологические конструкты и стратегии, лежащие в основе популистского дискурса, могут изменяться с большой скоростью, даже меняясь на свою полную противоположность: при необходимости популизм может приобретать и правые, и левые, и центристские черты, а то и комбинировать их в одной программе или дискурсивном акте. Все это отнюдь не облегчает процедуру типологизации.

Наконец, еще одна проблема оказывается «встроенной» в поиск исследовательского объекта. Действительно, современным исследованиям популизма свойствен определенный «европоцентризм» [De la Torre, Mazzoleni, 2019]: подавляющее большинство политологов выбирает в качестве эмпирических кейсов Европу и

обе Америки, в то время как популизм в Африке, Юго-Восточной Азии, на Ближнем и Дальнем Востоке и на постсоветском пространстве остается за пределами избранной оптики. Другой «ограничитель» касается базовой единицы, избираемой для анализа: большинство исследователей концентрируется на популистских партиях и их лидерах, в то время как непартийные акторы (общественные движения, отдельные харизматические лидеры и т.д.) остаются вне исследовательского фокуса. (Стоит отметить, что избрание на пост президента США Д. Трампа несколько поколебало этот тренд, и политологи обратили внимание на «популистов-одиночек», хотя бы сравнивая их с лидером американских правых.)

Для решения этих проблем в академической литературе предлагается ряд решений, – в частности, были попытки операционализировать популизм, дезагрегировать его до отдельных конкретных и измеряемых индикаторов [Meijers, Zaslove, 2020]. Таким образом были созданы различные «индексы популизма» (можно упомянуть, например, результаты проектов «Team Populism», «Timbro Index», «Populismus Project»). Тем не менее хотя такие проекты и обладают определенной эвристической ценностью на самом деле они не менее субъективны, чем те построения, с которыми они «борются», ибо они опираются либо на экспертное шкалирование, либо на механистическую обработку предвыборных программ. В последнем случае субъективность проистекает из того, что ключевые «популистские» семантические единицы формулируются также путем экспертной выборки; к тому же, механистическая обработка позволяет учесть лишь ту часть дискурса (в основном, партийного), которая появляется в официальных документах, и оставляет все остальное (публичные выступления, записи в социальных медиа и т.д.) за скобками [Коргунюк, 2019, с. 97]. Дискурс, безусловно, поддается квантификации, но без параллельной качественной оценки его нюансов, столь важные в случае политиков-популистов, неизбежно теряются. Другое решение, которое в последнее время все чаще предлагается для решения проблем дефиниции и типологизации – это ввод в научный оборот новых терминов, таких как этнопопулизм [Jenne, 2018, p. 550], неопопулизм [Roberts, 1995], национал-популизм [Taguieff, 2015, p. 221]. Однако при всей обоснованности авторских предложений, эти тер-

мины мало что добавляют к инструментальным возможностям анализа и вдобавок нарушают базовый методологический принцип Уильяма из Оккама – «не множить сущности без необходимости».

Мы предлагаем исследователям политического популизма, прежде всего, положительно ответить на вопрос, вынесенный в заглавие данной статьи. Популизм существует уже хотя бы потому, что мы о нем говорим, – это как минимум означает, что он состоялся как дискурсивная категория. Далее стоит признать, что популизм не только существует, но и является неотъемлемой частью любого политического процесса, – самое меньшее, со времен Древней Греции, но, вероятно, даже раньше. Данный феномен не зарезервирован исключительно за маргинальными злонамеренными акторами политики, ибо «определенный популистский стиль можно найти практически у всех партий» [Urbinati, 2019, p. 117]. Действительно, «невозможно найти выражение политики..., которое не основывалось бы, хотя бы частично, на моральных ценностях» [Katsambekis, 2022, p. 54]; да и все остальные «базовые» популистские признаки легко найти в дискурсе практически любой политической партии или публичного политика, вопрос лишь в степени их выраженности и значимости по сравнению с остальными элементами политической стратегии. Наконец, популизм не только существует и является неизбежной характеристикой политического процесса, но *в принципе* поддается и определению, и измерению. Да, все попытки его концептуализации и операционализации *a priori* будут вызывать критику и дискуссии, но это в целом свойственно социальным наукам.

Мы также считаем возможным – на основе личного исследовательского опыта и анализа релевантной литературы – сформулировать четыре базовых императива, из которых могли бы исходить политологи, приступающие к исследованию популистских феноменов. *Во-первых*, необходимо включать в рамки анализа не только характеристики *самого* популизма, но и характеристики того, *как* мы о нем говорим и думаем, как мы его воспринимаем [Extreme..., 2017], т.е. комбинировать уровни науки и метанауки. *Во-вторых*, желательно проводить качественную оценку *относительной*, а не *абсолютной* значимости элементов дискурса [ibid.]:

к примеру, действительно ли антиэлитизм и понятие «народ» центральны для риторики соответствующего политического игрока, или ему важнее что-то другое? Это позволит избежать чрезмерной инклюзивности популистской категории. *В-третьих*, в процессе анализа настоятельно рекомендуется избегать нормативности [Aslanidis, 2017 ; Rueda, 2020]. Популизм – это не плохо и не хорошо; это лишь одно из (неизбежных) явлений, происходящих в политическом поле. Действительно, энтомолог не рассуждает о том, хороша ли новая бабочка в его коллекции, а описывает узор крылышек. *В-четвертых*, наиболее оптимальным является исследовательский дизайн, позволяющий интегрировать подходы различных наук. Восприятие политического феномена не будет полным, если не прибегать, наряду с политологическими, к методам социологии, психологии и экономики.

Возможен и принципиально иной выход из нынешнего гносеологического тупика. Популизм можно рассматривать не столько как субстантивный феномен (поскольку субстанция популизма остается, как мы видели, трудноопределимой), сколько как инструментальный концепт, пригодный для решения как минимум двух аналитических задач.

В рамках анализа конкретного партийно-политического ландшафта маркер популизма позволяет дифференцировать классические праворадикальные партийные проекты и проекты правопопулистские (пресловутые RWPP – Right-Wing Populist Parties). Дифференциация в данном случае будет проходить по параметру электоральной стратегии: чем более всеохватным и эклектичным будет предвыборный партийный дискурс – тем ближе данная партия к популистской модели и тем дальше она от классической праворадикальной модели с ее узконаправленным и узнаваемым контентом, неоднократно описанным и проанализированным [Mudde, 1995, p. 207 ; Погорельская, 2004, с. 53 ; Minkenberg, 2000].

Другой способ инструментализации популистского концепта основывается на упомянутом выше феномене дисперсии дискурсивных признаков популизма по значительной части сегодняшнего партийно-политического ландшафта. Гипотеза «нормализации» популизма, столь парадоксально сформулированная К. Мюдде в 2010 г.

[Mudde, 2010], позволяет рассматривать популизм как один из маркеров позднего модерна, напрямую увязанный с кризисом его социально-экономической модели, нынешним постиндустриальным транзитом и, соответственно, с необходимостью переосмысления основных современных политических дискурсов, восходящих еще к Просвещению. Такая трактовка популизма как маркера фазового перехода позволяет поставить ряд аналитических вопросов, касающихся социально-экономического и технологического базиса нынешней фазовой трансформации, а также ее перспектив. Какие социальные сдвиги (и, следовательно, какой тип избирателя) обуславливают востребованность популистской программы, сочетающей заведомо нереализуемые (в силу своей эклектичности) элементы? Как выглядит политэкономический фундамент новой реальности, в которой антиэлитизм сплачивает под своими знаменами левых эгалитаристов и правых традиционалистов, а идейная эклектика и аморфность популистского протеста не мешает им выступать единым фронтом против партий мейнстримной технократии, утративших идеологическую монолитность и определенность? Наконец, насколько устойчив этот вновь создающийся фундамент в средне- и долгосрочной перспективе?

Данный ракурс выводит проблематику популизма в междисциплинарное пространство истории и социологии и, в то же время, позволяет оценить перспективы собственно популистского феномена. Так, в частности, представляется вероятным, что сохранение и дальнейшее развитие сегодняшних трендов будет способствовать дальнейшей «нормализации» популистского феномена; а версия о транзитном характере нынешнего кризиса допускает вероятность ухода популизма с исторической авансцены до новых благоприятствующих ему времен.

Логика исследовательского процесса предполагает, что изучение любого объекта проходит в своем развитии несколько фаз: от первичных гипотез и настройки методологического инструментария научный поиск переходит в фазу эмпирического насыщения и создания «больших теоретических концептов», а затем – к ревизии последних. Можно предположить, что изучение популизма сегодня входит в свою «первую ревизионистскую фазу». Рас-

ширение эмпирической базы позволяет при желании усмотреть ранее установленные признаки популизма в рамках других современных идеологических и политических феноменов, что ставит под сомнение релевантность как самих этих признаков, так и сформулированных на их основе определений.

Однако даже эта констатация свидетельствует о том, что популизм уже состоялся как предмет научного поиска. На данной стадии его дальнейшее развитие в этом качестве видится преимущественно в двух направлениях. Первый путь – совершенствование аналитического инструментария, призванного операционализировать популизм как конкретно-эмпирический объект. Второй путь – инструментализация самого концепта популизма в рамках более широких аналитических штудий, нацеленных на комплексное осмысление и оценку перспектив сегодняшней социально-политической динамики.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Арутюнова Н.Д. (1990). Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия. – С. 136–137 [Arutyunova N. (1990). Discourse [*Diskurs*] // Linguistic encyclopedic dictionary. – Moscow : Soviet Encyclopedia. – P. 136–137] (In Russian).

Коргунюк Ю.Г. (2019). Концепция размежеваний и теория проблемных измерений : точки пересечения // Полис. Политические исследования. – Москва. – № 6. – С. 95–112 [Korgunyuk Yu. (2019). Cleavage theory and theory of issue dimensions : cross-points [*Kontseptsiya razmezhevanii i teoriya problemnykh izmerenii : tochki peresecheniya*] // Polis. Political studies. – Moscow. – N 6. – P. 95–112] (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.06.08.

Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. (2018). Европейский правый популизм и национализм : к вопросу о соотношении функционала // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». – Пермь. – № 3. – С. 19–33 [Oskolkov P., Tevdoy-Burmuli A. (2018). European right-wing populism and nationalism : revisiting the correlation of features [*Evropeiskii pravyy populizm i natsionalizm : k voprosu o sootnoshenii funktsionala*] // Bulletin of Perm Univ. Political Science. – N 3. – P. 19–33] (In Russian).

Погорельская С. (2004). «Вечно вчерашние» : правый популизм и правый радикализм в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. – Москва. – № 3. – С. 51–63 [Pogorelskaya S. (2004). «Eternal past» : right-wing populism and right-wing radicalism in Western Europe [*Vechno vcherashnie*] : pravyy populizm i pravyy radikalizm v Zapadnoi

Europe] // World economy and international relations. – Moscow. – N 3. – P. 51–63] (In Russian).

Фишман Л.Г. (2021). «Пустой знак» : концепт «популизма» в современном политологическом мейнстриме // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – Москва. – Т. 13, № 2. – С. 13–32 [Fishman L.G. (2021). «Empty signifier» : the concept of «populism» in the contemporary mainstream political science [«Pustoi znak» : kontsept «populizma» v sovremennom politologicheskom meinstrime] // Moscow Univ. bulletin of world politics. – Moscow. – Vol. 13, Issue 2. – P. 13–32] (In Russian). DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-2-13-32.

Abou-Chadi T., Krause W. (2020). The causal effect of radical right success on mainstream parties' policy positions: a regression discontinuity approach // British j. of political science. – Cambridge : Cambridge Univ. Press. – Vol. 50, Issue 3. – P. 829–847.

Altermatt U. (1996). Das Fanal von Sarajevo : Ethnonationalismus in Europa. – Paderborn : Verlag Ferdinand Schöningh. – 288 S.

Aslanidis P. (2017). Avoiding bias in the study of populism // Chinese political science review. – Berlin : Springer. – Vol. 2, Issue 3. – P. 266–287. DOI: 10.1007/s41111-017-0064-0.

Bayerlein M. (2021). Chasing the other «Populist Zeitgeist»? Mainstream parties and the rise of right-wing populism // Politische Vierteljahresschrift. – Berlin : Springer. – N 62. – P. 411–433.

Cammaerts B. (2018). The mainstreaming of extreme right-wing populism in the Low Countries : what is to be done? // Communication, culture and critique. – Oxford : Oxford Univ. Press. – Vol. 11, Issue 1. – P. 7–20.

De Cleen B., Glynnos J., Mondon A. (2018). Critical research on populism : nine rules of engagement // Organization. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publications. – Vol. 25, Issue 5. – P. 649–661.

De la Torre C., Mazzoleni O. (2019). Do we need a minimum definition of populism? An appraisal of Mudde's conceptualization // Populism. – Leiden : Brill. – Vol. 2, Issue 1. – P. 79–95. DOI: 10.1163/25888072-02011021.

Extreme right-wing populism in Europe : revisiting a reified association. (2017) / Stavrakakis Y., Katsambekis G., Nikisianis N., Kioupkiolis A., Siomos T. // Critical discourse studies. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 14, Issue 4. – P. 420–439.

Gallie W.B. (1956). Essentially contested concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. – Oxford : Oxford Univ. Press. – Vol. 56, Issue 1. – P. 167–198.

Gidron N., Bonikowski B. (2013). Varieties of populism : literature review and research agenda / Weatherhead Center for International Affairs. – Cambridge, MA. – 38 p.

Hawkins K. (2009). Is Chávez populist? Measuring populist discourse in comparative perspective // *Comparative Political Studies*. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publications. – Vol. 42, Issue 8. – P. 1040–1067.

Hawkins K.A., Rovira Kaltwasser C. (2017). What the (ideational) study of populism can teach us, and what it can't // *Swiss Political Science Review*. – Hoboken, NJ : Wiley-Blackwell. – N 23. – P. 526–542.

Houwen T. (2013). Reclaiming power for the people : populism in democracy. – Nijmegen : UB Nijmegen. – 290 p.

Jansen R.S. (2011). Populist mobilization : a new theoretical approach to populism // *Sociological theory*. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publications. – Vol. 29, Issue 2. – P. 75–96.

Jenne E.K. (2018). Is nationalism or ethnopopulism on the rise today? // *Ethnopolitics*. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 17, Issue 5. – P. 546–552. DOI: 10.1080/17449057.2018.1532635.

Katsambekis G. (2022). Constructing «the people» of populism : a critique of the ideational approach from a discursive perspective // *J. of political ideologies*. – London ; New York : Routledge. – Vol. 27, Issue 1. – P. 53–74.

Katz R.S., Mair P. (2009). The cartel party thesis : a restatement // *Perspectives on politics*. – Cambridge : Cambridge Univ. Press. – Vol. 7, Issue 4. – P. 753–766.

Kirchheimer O. (1966). The transformation of the Western European party systems // *Political parties and political development*. – Princeton, NJ : Princeton Univ. Press. – P. 177–200.

Laclau E. (2005). On populist reason. – London : Verso. – 288 p.

Meguid B. (2005). Competition between unequals : the role of mainstream party strategy in niche party success // *American political science review*. – Cambridge : Cambridge Univ. Press. – Vol. 99, Issue 3. – P. 347–359.

Meijers M. (2017). Contagious Euroscepticism : the impact of Eurosceptic support on mainstream party positions on European integration // *Party politics*. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publications. – Vol. 23, Issue 4. – P. 413–423.

Meijers M., Zaslove A. (2020). Measuring populism in political parties : appraisal of a new approach // *Comparative Political Studies*. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publications. – Vol. 54, Issue 2. – P. 372–407. DOI: 10.1177/0010414020938081.

Minkenberg M. (2000). The renewal of the radical right : between modernity and anti-modernity // *Government and opposition*. – Cambridge : Cambridge Univ. Press. – Vol. 35, Issue 2. – P. 170–188.

Moffitt B. (2020). Populism. – London ; Hoboken, NJ : John Wiley & Sons. – 170 p.

Mudde C. (1995). Right-wing extremism analyzed // *European j. of political research*. – Hoboken, NJ : Wiley-Blackwell. – Vol. 27, Issue 2. – P. 203–224.

Mudde C. (2004). Populist Zeitgeist // *Government and opposition*. – Cambridge : Cambridge Univ. Press. – Vol. 39, Issue 4. – P. 541–563.

Mudde C. (2010). The populist radical right : a pathological normalcy // *West European Politics*. – London ; New York : Routledge. – Vol. 33, Issue 6. – P. 1167–1186.

Mudde C. (2016). On extremism and democracy in Europe. – London ; New York : Routledge. – 188 p.

Müller J.-W. (2016). What is populism? – Philadelphia, PA : Univ. of Pennsylvania Press. – 124 p.

Ostiguy P. (2020). The socio-cultural, relational approach to populism // *Partecipazione e conflitto*. – Lecce : Salento Univ. Publishing. – Vol. 13, Issue 1. – P. 29–58. DOI: 10.1285/i20356609 v13 i1 p29.

Pappas T. (2019). Populism and liberal democracy. – Oxford : Oxford Univ. Press. – 332 p.

Pauwels T. (2011). Measuring populism : a quantitative text analysis of party literature in Belgium // *J. of elections, public opinion and parties*. – Abingdon-on-Thames : Taylor & Francis. – Vol. 21, Issue 1. – P. 97–119.

Populism : its meaning and characteristics. (1969) / Ionescu Gh., Gellner E. (Eds.). – New York : Macmillan. – 264 p.

Priester K. (2011). Definitionen und Typologien des Populismus // *Soziale Welt*. – Berlin. – Vol. 62, Issue 2. – S. 185–198.

Roberts K. (1995). Neoliberalism and the transformation of populism in Latin America : the Peruvian case // *World politics*. – Cambridge : Cambridge Univ. Press. – Vol. 48, Issue 1. – P. 82–116.

Rooduijn M. (2014). The nucleus of populism : in search of the lowest common denominator // *Government and opposition*. – Cambridge : Cambridge Univ. Press. – Vol. 49, Issue 4. – P. 572–598.

Rueda D. (2020). Is populism a political strategy? A critique of an enduring approach // *Political studies*. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publications. – Vol. 69, Issue 2. – P. 167–184. DOI: 10.1177/0032321720962355.

Rydgren J. (2017). Radical right-wing parties in Europe : what's populism got to do with it? // *J. of language and politics*. – Amsterdam : John Benjamins. – Vol. 16, Issue 4. – P. 485–496.

Sartori G. (1970). Concept misformation in comparative politics // *American political science review*. – Cambridge : Cambridge Univ. Press. – Vol. 64, Issue 4. – P. 1033–1053.

Schwörer J. (2021). The growth of populism in the political mainstream : the contagion effect of populist messages on mainstream parties' communication. – Berlin : Springer. – 224 p.

Simeoni M. (2014). A morbid democracy : old and new populisms. – Brussels : Peter Lang Verlag. – 152 p.

Stanley B. (2008). The thin ideology of populism // J. of political ideologies. – London ; New York : Routledge. – Vol. 13, Issue 1. – P. 95–110.

Taggart P. (2018). Populism in Western Europe // Oxford handbook of populism / C.R. Kaltwasser, P.A. Taggart, P.O. Espejo, P. Ostiguy (Eds.). – Oxford : Oxford Univ. Press. – P. 248–266.

Taguieff P.-A. (2015). La revanche du nationalisme. – Paris : Presses Universitaires de France. – 324 p.

Taranu A. (2012). Populism as the «democratic malaise» // European j. of science and technology. – İstanbul. – Vol. 8, Suppl. 1. – P. 131–141.

Urbinati N. (2019). Political theory of populism // Annual review of political science. – San Mateo, CA : Annual Reviews. – N 22. – P. 111–127.

Van Spanje J. (2010). Contagious parties : anti-immigration parties and their impact on other parties' immigration stances in contemporary Western Europe // Party politics. – Thousand Oaks, CA : SAGE Publications. – Vol. 16, Issue 5. – P. 563–586.

Weyland K. (2001). Clarifying a contested concept : populism in the study of Latin American politics // J. of comparative politics / CUNY. – New York. – Vol. 34, Issue 1. – P. 1–22.

DOI: 10.31249/ape/2023.04.02

© Oskolkov P.V.¹, Tevdoy-Burmuli A.I.²

Does populism exist? Rethinking a «political science fashion»

Abstract. *The article examines the contemporary trends in modern understanding of the concept of populism. Upon reviewing the approaches*

¹ **Oskolkov Petr Viktorovich** – PhD in Political Sciences, Leading Researcher, Department of European Integration Studies, Institute of Europe RAS; elsztejn@yahoo.com

² **Tevdoy-Burmuli Alexander Izyaslavovich** – PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of Integration Studies, MGIMO University; tevdoy@gmail.com

widespread in the academic world toward the interpretation of that concept, the authors state that contemporary research of populism is in its crisis phase because all possibilities to clarify the basic functional and discursive features of populism, as well as to find these features in other ideological and political phenomena that are formally far from populism already have been exhausted. The most important challenges that modern political scientists face while addressing populist issues are «conceptual stretching» and «conceptual compression», i.e. either an overly broad or overly narrow interpretation of the basic concept. Trying to overcome these problems, researchers usually resort to alternative conceptualization, which, in turn, has its own significant drawbacks. The authors support the opinion that populism studies are entering the so-called «first revisionist stage» which all key approaches in social sciences should undergo. To preserve the heuristic value of the populist concept, the authors propose several basic imperatives as guidance. In particular, it is proposed to study not only populism per se, but also the ways employed to frame it in the scientific meta-discourse, and to quantify the discursive markers of populism concentrating not on their absolute value but on their relative weight and, consequently, operationalization, which allows for more opportunities to apply the concept of populism to empirical research. The authors also propose to shift the analytical focus from researching the substantive content of populism to studying its usage as an instrumental marker. This shift would make the concept applicable not only to the analysis of national party landscapes but also to the more complex interdisciplinary research of contemporary sociopolitical dynamics.

Keywords: populism, methodological crisis, revisionist stage, ideology, political discourse, party system, mainstream parties.

Статья поступила в редакцию (Received) 26.06.2023
Доработана после рецензирования (Revised) 02.07.2023
Принята к публикации (Accepted) 06.07.2023